

въ Николаевичъ Толстой

въ 80-хъ и 90-хъ годахъ ¹⁾).

I.

Въ свое время мы указали (см. главы XXIII и XXIV) на симптоматическую для эпохи 80-хъ годовъ популярность идей *Достоевскаго* въ томъ видѣ, какъ онѣ выразились въ «Братяхъ Карамазовыхъ» и также въ послѣднихъ выпускахъ «Дневника писателя». Мы упоминали тамъ же и о появившемся въ 80-хъ годахъ религіозно-моральномъ ученіи *Толстого*, которое вскорѣ привлекло къ себѣ всеобщее вниманіе (и не только у насъ, но и за границей) и, на ряду съ идеями *Достоевскаго*, можетъ по праву быть разсматриваемо, какъ одно изъ знаменій времени. Около 10 лѣтъ спустя, къ половинѣ 90-хъ годовъ, когда проповѣдь *Толстого* приняла болѣе опредѣленную рѣзкую форму, религіозныя и моральныя идеи «великаго писателя земли русской» получили особое значеніе, какъ видный, хотя и очень своеобразный факторъ освободительнаго движенія. Идеи *Достоевскаго* *такого* значенія не имѣли и не могли имѣть. Ихъ шумный успѣхъ въ глухое время 80-хъ годовъ, какъ и слѣдовало ожидать, былъ лишь временнымъ и, говоря по правдѣ, оказался ^{мимолетнымъ} литературнымъ. Прочнаго и благотворнаго слѣда въ общественномъ сознаніи онѣ оставить не могли. И уже въ концѣ 80-хъ годовъ было замѣтно, какъ постепенно остывало увлеченіе ими, и какъ шла на убыль популярность *Достоевскаго*—публициста и мыслителя. А между тѣмъ потребность въ религіозно-моральной проповѣди давала себя чувствовать. Мыслящая часть общества, преимущественно въ лицѣ младшихъ поколѣній, думала именно здѣсь (и, конечно, также въ метафизической философіи) найти отвѣты на такъ называемые «проклятые вопросы»

¹⁾ Глава XXX очерка „Итоги русской художественной литературы XIX вѣка“.

и отправныя точки для построения новой идеологии взаимных старых, казавшихся изжитыми. Оттуда—повышенный интерес къ учению Толстого и къ философскимъ воззрѣніямъ школы философовъ-метафизиковъ, выступившихъ въ концѣ 70-хъ годовъ и въ 80-хъ (проф. *Козловъ*, проф. *Допатинъ*, проф. *Н. Я. Гротъ* (метафизикъ съ конца 80-хъ гг.), кн. *С. Н. Трубецкой*),—школы, главою которой по праву признавался *В. С. Соловьевъ*, своеобразный мыслитель—мистикъ, одаренный несомнѣннымъ творчествомъ идей, смѣлый проповѣдникъ и даровитый писатель, ставшій къ концу 80-хъ годовъ однимъ изъ самихъ яркихъ представителей «оппозиціи».

Судьбѣ угодно было, чтобы моральный и религіозный кризисъ, пережитый Толстымъ, разрѣшился—созданіемъ извѣстнаго вѣроученія—какъ разъ къ тому времени, когда русское передовое общество и молодежь, послѣ всѣхъ испытаній и разочарованій конца 70-хъ годовъ, оказались предрасположенными прислушиваться къ проповѣдямъ моралистовъ, въ особенности къ учению о «самоусовершенствованіи», объ исканіи «истины» внутри себя, о чемъ такъ горячо говорилъ и писалъ Достоевскій.

Толстой пережилъ извѣстный кризисъ въ половинѣ 70-хъ годовъ. Черезъ 4 года, въ 1879 г., онъ описалъ его въ «Исповѣди», опубликованіемъ которой онъ и выступилъ въ 1882 г. на поприще вѣроучителя и проповѣдника новой морали ¹⁾.

Въ нашу задачу не входитъ ни изложеніе, ни критика ученія Толстого, которое интересуетъ насъ лишь какъ явленіе 80-хъ и 90-хъ годовъ, какъ одно изъ умственныхъ теченій того времени. И мы постараемся ретроспективно уяснить себѣ, чего искали и что находили въ этомъ ученіи читатели сперва 80-хъ, потомъ 90-хъ годовъ и какъ должны были вліять на умы сочиненія Толстого, изда-

1) „Исповѣдь“ должна была появиться въ „Русской Мысли“, но была изъята цензурой.

гающія его новыя возрѣнія («Исповѣдь», «Въ чемъ моя вѣра» и др.), въ особенности же его художественныя произведенія, написанныя съ точки зрѣнія этихъ возрѣній,—«Чѣмъ люди живы» и другія «легенды», «Власть тьмы», «Смерть Ивана Ильича», «Крейцера соната», «Воскресеніе».

На первыхъ же страницахъ «Исповѣди» читатель встрѣтилъ то, что русскому мыслящему человѣку, ищущему «своей вѣры», такъ по сердцу: самообличеніе, рѣзкое отрицаніе всей своей прошлой жизни и дѣятельности, покаяніе. Эти страницы сразу привлекли къ Толстому вниманіе и сочувствіе нашей передовой интеллигенціи и молодежи. Нужно вспомнить, что до тѣхъ поръ, несмотря на всеобщее признаніе, на титулъ «великаго писателя земли русской», данный ему Тургеневымъ, невзирая также на вниманіе, въ общемъ сочувственное, какое удѣляла ему въ свое время критика Михайловскаго, Толстой отнюдь не былъ «властителемъ думъ» и никогда не пользовался такой сенсаціонной популярностью, какая выпадала на долю другихъ великихъ писателей земли русской. Толстого всѣ признавали великимъ художникомъ; цѣнители и любители ставили его выше Тургенева, Гончарова, Достоевскаго; но ни «Война и миръ», ни «Анна Каренина», эти перлы русскаго искусства и верхи художественнаго реализма, не произвели достаточно—сильнаго воздѣйствія на широкую публику. Читатель 60-хъ и 70-хъ годовъ не находилъ здѣсь ни отвѣтовъ, ни указаній по вопросамъ, его интересовавшимъ. Авторъ казался нашей интеллигенціи чужимъ, стоящимъ въ сторонѣ отъ движенія умовъ; его геніальныя творенія причислялись къ сферѣ «чистаго искусства», отъ котораго никакого прока нѣтъ. Сокровища психологическаго анализа и глубина идей, связанныя съ типами и картинами Толстого, пропадали для русскаго читателя 60—70 годовъ даромъ, какъ пропали въ тѣ же годы Пушкинъ, Гоголь и Лермонтовъ.

Не подозрѣвали читатели того времени и того, что въ раннихъ повѣстяхъ Толстого, въ «Войнѣ и мирѣ» и «Аннѣ Карениной» воспроизведено въ художественной переработкѣ множество личныхъ переживаній автора, представляющихъ огромный психологическій и моральный интересъ, и что поэтъ, которому столь чужды направленія и идеологическіе шаблоны разночинной интеллигенціи, психологически стоитъ къ ней гораздо ближе другихъ нашихъ крупныхъ писателей, кромѣ, пожалуй, Достоевскаго. Читатели проглядѣли то, что этотъ «аристократъ» и бытописатель великосвѣтскаго круга, пережилъ свою полосу народническихъ увлеченій и все время не переставалъ биться надъ рѣшеніемъ тѣхъ же мудреныхъ задачъ, надъ которыми всегда трудилась въ потѣ лица передовая часть русскаго общества, какъ-то вопросъ о «смыслѣ жизни», объ отношеніи «общества къ народу», о «прогрессѣ» вообще и всероссійскомъ въ частности.

И вотъ теперь, когда «Исповѣдь» дала возможность читателямъ заглянуть во внутренний міръ Толстого, наша интеллигенція почувствовала въ этомъ «великосвѣтскомъ» писателѣ своего брата. Это «открытіе» вызвало живой интересъ не только къ новымъ произведеніямъ Толстого, но и къ прежнимъ. Толстой—исповѣдникъ и моралистъ, столь бзпошадно осудившій всю свою предшествующую литературную дѣятельность, заставилъ насъ обратиться къ Толстому-художнику, перечитать и «Войну и миръ», и «Анну Каренину», и повѣсти 50—60-хъ годовъ; отчасти содѣйствовала этому и высокая оцѣнка художественныхъ произведеній Толстого, сдѣланная на Западѣ; въ 80-хъ годахъ Толстой-художникъ пріобрѣлъ всемірную славу,—«прославился» онъ и у насъ: «Войну и миръ» и другія произведенія великаго писателя стали теперь понимать и цѣнить не только любители высокаго искусства, но и всѣ мыслящіе русскіе люди...

II.

80-е годы были въ своемъ родѣ эпохой «великихъ открытій»: мы «открыли» тогда не только Достоевскаго и Толстого, но даже Пушкина, казалось, совсѣмъ похороненнаго въ 60-хъ и 70-хъ годахъ. Произведенія нашихъ классиковъ получили новую литературную жизнь, и это не могло не отразиться на умственномъ складѣ и міросозерцаніи новыхъ поколѣній. Молодая интеллигенція 80-хъ и 90-хъ годовъ, можно сказать, воспитывалась на Пушкинѣ, Лермонтовѣ, Гоголѣ и ихъ преемникахъ. Установился наконецъ взглядъ на произведенія нашихъ великихъ поэтовъ, какъ на непреходящія умственные блага, которыми слѣдуетъ дорожить. Возникъ и интересъ къ такъ называемому «чистому искусству». Реабилитация искусства, признаніе его цѣнности *an sich* тѣсно связывались съ повышеннымъ интересомъ къ метафизическимъ и религиознымъ вопросамъ, съ признаніемъ ихъ важности, ихъ значенія въ умственной и моральной жизни человѣчества. Недавнее огульное «нигилистическое» отрицаніе кончилось,—и молодое поколѣніе пріучалось мыслить, стремиться впередъ, рѣшать всякіе вопросы, творить новую идеологію и т. д.—такъ, чтобы при этомъ не было обидно ни чистому искусству, ни Пушкину, ни Канту, ни метафизикѣ, ни религіи. Отрицаніе смѣнилось признаніемъ, реабилитацией великихъ именъ и вѣковѣчныхъ проблемъ.

И вдругъ, въ самый разгаръ этихъ «новыхъ» духовныхъ интересовъ, когда мы «признали» и «чистое искусство», и Пушкина, и Канта, и чуть ли не самого Платона, послышались странныя рѣчи, отчасти напоминавшія то, что говорилось въ 60-хъ годахъ, въ классическую эпоху «нигилизма»; на первый взглядъ могло показаться, что опять начинаютъ отрицать «чистое искусство» и Пушкина, не хотятъ «признавать» Канта и т. д., мало того: намъ послышалось даже нѣчто такое, что невольно напомнило намъ тургеневскаго Базарова...

Это было похоже на какую-то галлюцинацію слуха. Что же оказалось? Оказалось, что это говорить Л. Н. Толстой. Съ своей новой точки зрѣнія, совершенно порусски, «нигилистически» онъ объявилъ ничтожною, суетною и бесполезною всю свою дѣятельность, какъ художественную, такъ и педагогическую: и «Война и миръ»—вздоръ, и яснополянская школа—пустяки, да и вообще всякое искусство и вся литература со всѣми ея направлѣніями служить только для самоуслажденія, для полученія гонораровъ и никакой пользы не приносятъ ни образованному обществу, ни трудящемуся народу, который книгъ не читаетъ. Народу эта «высшая культура» приноситъ даже вредъ, потому что прямо или косвенно существуетъ и развивается на его счетъ.

И намъ чудилась какая-то странная помѣсь «нигилизма» 60-хъ годовъ съ узкимъ народничествомъ 80-хъ (въ духѣ, напр., теорій Юзова-Каблица), когда мы читали слѣдующія строки:

«...Я наивно воображалъ, что я—поэтъ, художникъ, и могу учить всѣхъ, самъ не зная, чему я учу. Я такъ и дѣлалъ... Мы всѣ тогда были убѣждены, что намъ нужно говорить и говорить, писать, печатать—какъ можно скорѣе, какъ можно больше, что все это нужно для блага человѣчества... Тысячи работниковъ дни и ночи изъ послѣднихъ силъ работали, набирали, печатали милліоны словъ, и почта развозила ихъ по всей Россіи, и мы все еще больше учили и никакъ не успѣвали всему научить, и все сердились, что насъ мало слушаютъ...» («Исповѣдь», гл. II).

Все это «мы» дѣлали въ сущности ради «денегъ и похвалъ», лицемѣрно прикрываясь слѣдующимъ «разсужденіемъ», которое должно было оправдывать насъ въ нашихъ собственныхъ глазахъ: «все, что существуетъ, разумно; все же, что существуетъ, все развивается. Развивается же все посредствомъ просвѣщенія. Просвѣщеніе же измѣряется распространеніемъ книгъ, газетъ. А намъ

платять деньги и насъ уважають за то, что мы пишемъ книги и газеты, и потому мы—самые полезные и хорошіе люди...» (тамъ же).—И вся наша литература, слѣд., наша умственная жизнь съ ея направленіями, партіями, разнорѣчіемъ взглядовъ и мнѣній уподобляется дому сумасшедшихъ: «Теперь мнѣ ясно, что разницы съ сумасшедшимъ домомъ никакой не было, тогда же я только смутно подозрѣвалъ это, и только, какъ и всѣ сумасшедшіе, называлъ всѣхъ сумасшедшими, кромѣ себя...» (тамъ же).

«Коль рубить—такъ ужъ съ плеча». Если ужъ отрицать—такъ *все*. И Толстой въ «Исповѣди» далъ образчикъ такого *всеотрицанія*, которое отчасти напоминаетъ базаровскій «нигилизмъ», чему отнюдь не мѣшаетъ религиозно-моральная основа воззрѣній Толстого: вѣдь Базаровъ—также натура моральная и даже «аскетическая», хотя, правда, не религиозная. Психологически все равно, во имя чего возникаетъ отрицаніе. Толстой отрицаетъ «все» во имя Бога и Евангелія, Базаровъ отрицалъ «все» во имя матеріалистической философіи и науки.

Толстой, дѣйствительно, отрицаетъ «все»: литературу, культуру, прогрессъ, искусство, философію, науку.

Въ вышеприведенной тирадѣ, гдѣ литературная дѣятельность представлена какъ дѣло совершенно бесполезное и похожее на сумасшедшій дѣмъ, заключено принципиальное отрицаніе всей русской, а слѣдовательно, и всякой другой литературы; тутъ вычеркнуты и Толстой, и Тургеневъ, и Гоголь, и Пушкинъ, и Гете, и Шиллеръ, и Байронъ, и Шекспиръ, и всѣ. Столь же просто и радикально вычеркивается и «прогрессъ» человѣчества: Толстой вспоминаетъ, какъ онъ «вѣровалъ» въ прогрессъ, и эта «вѣра» представляется ему теперь «суевѣріемъ». «Тогда мнѣ казалось,—пишетъ онъ,—что этимъ словомъ («прогрессъ») выражается что-то. Я не понималъ еще того, что, мучимый, какъ всякій живой человѣкъ, вопросами, какъ мнѣ лучше жить, я, отвѣчая: жить сообразно

съ прогрессомъ,—отвѣчаю совершенно то же, что отвѣ-
тить человѣкъ, несомый въ лодкѣ по волнамъ и по вѣтру,
на главный и единственный для него вопросъ: «куда
держаться»,—если онъ, не отвѣчая на вопросъ, скажетъ:
насъ несетъ куда-то...» («Исповѣдь», гл. III).

Заслуги точнаго научнаго знанія Толстой готовъ при-
знать, но истины, которыя оно устанавливаетъ, не удов-
летворяютъ его, не даютъ ему отвѣтовъ на вопросы, ко-
торыя онъ ставитъ. А когда наука пытается отвѣчать на
нихъ, то изъ настоящей она превращается въ «полу-
науку» и обнаруживаетъ все свое безсиліе и всю свою
тщету. Не удовлетворяетъ Толстого и «умозрительная
наука» (философія, метафизика), хотя онъ и признаетъ
ея величіе. Многіе въ 80-хъ годахъ до нѣкоторой степени
раздѣляли эту точку зрѣнія. Они сходились съ Толстымъ
напр., въ слѣдующихъ мысляхъ: «Задача опытной науки
есть причинная послѣдовательность матеріальныхъ явле-
ній. Стоитъ опытной наукѣ ввести вопросъ о конечной
причинѣ, и получается чепуха... Опытная наука только
даетъ положительное знаніе и являетъ величіе человѣче-
скаго ума, когда она не вводитъ въ свои изслѣдованія
конечной причины...» («Исповѣдь», гл. V). Познаніе «ко-
нечной причины»—дѣло не науки, а метафизической фи-
лософіи, которую столь презирали въ 60-хъ и особенно
въ 70-хъ годахъ, а теперь признали, какъ признали ис-
кусство и Пушкина. Реабилитация метафизики не озна-
чала однако, что теперь пришла очередь наукѣ подверг-
нуться остракизму. И большинство мыслящихъ людей въ
то время хорошо понимало, что всякая философія, будь
она не только метафизическая, но даже мистическая (та-
кова у насъ философія Вл. Соловьева), по необходимости
опирается на выводы и матеріаль науки, и что полного,
принципіальнаго разрыва между философіею и наукою
быть не можетъ. И наши метафизики 80—90-хъ годовъ
были, разумѣется, люди науки, представители универси-
тетскихъ кафедръ, работавшіе вполнѣ *научно* въ области

различныхъ философскихъ дисциплинъ¹⁾. И, конечно, всѣ они, какъ и ихъ ученики и читатели, не могли раздѣлять мысли Толстого, что «умозрительная наука—тогда только наука и являетъ величіе человѣческаго ума, когда она *устраняетъ совершенно вопросы о послѣдовательности причинныхъ явленій*²⁾ и рассматриваетъ человѣка только по отношенію къ конечной причинѣ...» (гл. V). Равнымъ образомъ, не могли согласиться и съ тѣмъ, будто философія никакихъ отвѣтовъ не даетъ. Толстой, разочаровавшись въ философіи, не найдя въ ней рѣшенія мучившихъ его проблеммъ, сразу рѣшилъ, что и никто не можетъ добиться ихъ рѣшенія путемъ философскаго познанія и умозрѣнія. Толстой пишетъ: «Идеи ли, субстанцію ли, духъ ли, волю ли называетъ философъ сущностью жизни, находящейся во мнѣ и во всемъ существующемъ, философъ говоритъ одно—что эта сущность есть и что я есть та же сущность, но зачѣмъ она, онъ не знаетъ и не отвѣчаетъ, если онъ точный мыслитель. Я спрашиваю, зачѣмъ быть этой сущности? Что выйдетъ изъ того, что она есть и будетъ?.. И философія не только не отвѣчаетъ, а сама только это и спрашиваетъ...» (гл. V).

Такъ далеко не шли тѣ, которые искали отвѣтовъ на «проклятые» вопросы. Они знали, что философія на нихъ отвѣтить не можетъ, но не смущались этимъ, ограничиваясь тѣмъ, что философія въ состояніи дать, т.-е. объединеніемъ научнаго знанія, дополненіемъ его нѣкоторыми умозрительными построениями, ему не противорѣчащими, и выработкою на этихъ основахъ цѣльнаго міросозерцанія, приспособленнаго къ умственнымъ и нравственнымъ потребностямъ того или другого человѣка. Чего же больше? Неужели нужно еще добиваться отвѣта на вопросъ: за-

1) Таковы, напр., работы проф. Лопатина, Грота, кн. С. Н. Трубецкого, проф. А. И. Введенскаго и др. Органомъ этого философскаго движенія былъ журналъ „Вопросы философіи и психологіи“.

2) Курсивъ мой.—Исправимъ lapsus: не „послѣдовательность причинныхъ явленій“, а причинная послѣдовательность явленій.

чѣмъ существующее существуетъ? Ставя этотъ нефилософскій и вообще ненужный вопросъ, Толстой перешагнулъ не только грани метафизики, но даже и мистики. Это—какой-то сверхмистическій вопросъ. И любопытно, что его ставилъ и «рѣшилъ» (для себя, конечно) чело-вѣкъ, въ умственномъ складѣ котораго нѣтъ и тѣни мистическихъ предрасположеній,—великій *реалистъ* въ искусствѣ и своеобразный *раціоналистъ* въ философіи и въ религіи.

Въ общемъ можно сказать, что *отрицаніе* Толстого было не ко времени, которое, въ противоположность 60-мъ годамъ и частью 70-мъ, было эпохою «признаванія» великихъ культурныхъ цѣнностей, каковы наука, философія, искусство, а не ихъ отрицанія. Но вопросы, поднятые Толстымъ, были вполнѣ въ духѣ времени: это были вопросы философскаго, нравственнаго и религіознаго сознанія. Идеи Толстого не могли вызвать энтузіазма, но онѣ заинтересовали многихъ. Выступленіе великаго писателя на путь религіознаго и моральнаго творчества было крупнымъ фактомъ въ нашей общественной и духовной жизни, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали дальнѣйшихъ событій. Какую новую религіозную или моральную истину откроетъ Толстой міру? Изъ «Исповѣди» мы узнали, что онъ искалъ утоленія духовной жажды въ лонѣ церкви и не нашелъ; было извѣстно, что онъ обратился къ изученію Евангелія, вступилъ въ сношенія съ сектантами, изъ которыхъ выдѣлялась замѣчательная личность Сютаева.

Нѣкоторыя указанія на то, что изъ всего этого выйдетъ, можно было почерпнуть уже изъ «Исповѣди». Такъ, въ главѣ XV выражено критическое и явно-отрицательное отношеніе къ нѣкоторымъ сторонамъ историческаго христіанства, а также къ войнѣ и смертной казни, а XVI глава начинается фразой: «И я пересталъ сомнѣваться, а убѣдился вполнѣ, что въ томъ знаніи вѣры, къ которому я присоединился, не все истинно...» И ^{дальше} даже Тол-

стой говорить, что теперь его задачей является отдѣленіе религіозной и моральной истины христіанства отъ при- мѣсей, ее исказившихъ. По этимъ указаніямъ и зная свойственный Толстому радикализмъ мышленія, можно было предвидѣть, что Толстой выработаетъ родъ сектант- ского раціоналистическаго ученія на основѣ Евангелія,— ученія, во многомъ близкаго къ народнымъ раціонали- стическимъ сектамъ, каковы: молоканство, штундизмъ, частью духоборчество ¹⁾. Такъ это и вышло. Вскорѣ по- явился трактатъ «Въ чемъ моя вѣра?» напечатанный за- границей, но распространявшійся въ Россіи въ много- численныхъ спискахъ и литографированныхъ изданіяхъ. Здѣсь уже были даны тѣ толкованія разныхъ мѣстъ Еван- гелія, въ которыхъ выразился такъ называемый «анар- хизмъ» Толстого. Вѣроученіе было выработано,—образо- валась и секта «толстовцевъ». Увлеченію моральной сто- роной ученія отдавали дань и нѣкоторые, можетъ быть, даже многіе, не поступавшіе въ секту. Въ числѣ увле- кавшихся былъ и А. П. Чеховъ, тогда студентъ и начи- нающій писатель.

III.

Если разложить ученіе Толстого на отдѣльные элементы и разсматривать эти элементы порознь, то мы увидимъ, что каждый изъ нихъ психологически и идейно роднится съ извѣстнымъ направленіемъ или настроеніемъ, возник- шемъ у насъ раньше или появившемся одновременно съ пропагандой Толстого, но независимо отъ нея.

Такъ, идеаль «царствія Божія на землѣ», построенный на евангельскихъ предпосылкахъ, но подкрѣпленный аг- рарнымъ социализмомъ Джорджа, которымъ уже тогда увлекался Толстой, и формулированный на русскій крестьянскій ладъ, обнаруживалъ замѣтное сродство съ идеологіею социалистовъ-народниковъ 70-хъ годовъ и съ

¹⁾ Последнее обнаруживаетъ замѣтный уклонъ въ сторону мистики.

духомъ крайняго народничества 80-хъ, которое, подобно Толстому, отрицало городскую цивилизацію и современное просвѣщеніе, составляющее будто бы монополию привилегированныхъ классовъ, и развивало фантастическую идею господства крестьянской культуры, утопію «мужицкаго» царства на Руси. Отъ ученія социалистовъ-народниковъ, которые нерѣдко также ссылались на Евангеліе, проповѣдь Толстого рѣзко отличалась въ одномъ пунктѣ: Толстой рѣшительно отрицалъ революцію и вообще всякое насиліе въ борьбѣ со зломъ. Но это уже—вопросъ о средствахъ осуществленія идеала, а не о самомъ идеалѣ. Стоило только социалисту-народнику разочароваться въ революціонномъ способѣ дѣйствія, и разстояніе между его воззрѣніями и ученіемъ Толстого замѣтно сокращалось. Извѣстно, что въ 80-хъ годахъ было сдѣлано не мало попытокъ «сѣсть на землю», основывать «интеллигентскія» земледѣльческія колоніи и питаться трудами рукъ своихъ почти такъ, какъ училъ Толстой и какъ стали дѣлать правовѣрные толстовцы. Эти попытки, возникавшія ранѣе обнародованія толстовскаго ученія и потомъ независимо отъ него, предпринимались именно группами лицъ, вышедшихъ изъ все той же передовой части общества, исповѣдывавшей народнической социализмъ. Движеніе это, безъ сомнѣнія, въ значительной степени основывалось на разочарованіи въ революціонныхъ средствахъ борьбы, а также означало себою поворотъ въ сторону культурной дѣятельности и идеи «самоусовершенствованія».

Идея «самоусовершенствованія» имѣла въ 80-годахъ крупный успѣхъ. Ею увлекались и поклонники Достоевскаго, и послѣдователи Толстого, и всѣ тѣ, которые стремились «опроститься» и «сѣсть на землю». Послѣдніе «опрощались» на сей разъ не для видимости, не ради пропаганды, а именно для того, чтобы возродиться, очиститься, облагородиться подъ животворнымъ вліяніемъ земледѣльческаго труда, избавляющаго отъ участи быть

«паразитомъ», жить на счетъ народа. Было нѣчто сектантское въ этомъ настроеніи и въ вызванныхъ имъ опытахъ основанія интеллигентскихъ колоній. И здѣсь сказалося, если и не всегда принципиальное, то во всякомъ случаѣ фактическое устраненіе революціонныхъ способовъ борьбы. Посторонніе наблюдатели нерѣдко смѣшивали колоніи такихъ опростившихся интеллигентовъ съ колоніями толстовцевъ.

Не лишнимъ будетъ вспомнить и то, что идея *непротивленія злу насиліемъ* проповѣдывалась у насъ еще въ началѣ 70-хъ годовъ извѣстнымъ *Маликовымъ* и была усвоена однимъ изъ передовыхъ тогда кружковъ («чайковцевъ»), нѣкоторые члены котораго вскорѣ эмигрировали въ Америку съ цѣлью основать идеальную общину. Община однако распалась, и идея непротивленія злу насиліемъ заглохла лѣтъ на 10. Въ 80-хъ годахъ, послѣ крушенія народно-соціалистическаго движенія и революціонныхъ опытовъ, его смѣнившихъ, она опять возникаетъ въ тѣхъ или иныхъ формахъ, то какъ настроеніе, какъ психологическій фактъ, то какъ принципъ, и наконецъ въ ученіи Толстого получаетъ крайнее и строго-последовательное выраженіе.

Достаточно извѣстно, что, въ силу отсутствія у насъ политической жизни, наши идеологи, по необходимости, выступали въ неподобающей имъ роли политическихъ программъ или, по крайней мѣрѣ, направленій. Идеологія, выработанная или усвоенная человѣкомъ, отвѣчала, въ существѣ дѣла, на чисто-личный вопросъ: «какъ мнѣ жить свято?» ¹⁾—Отвѣтъ на этотъ вопросъ, казалось бы, имѣющій значеніе только для даннаго лица, превращался въ родъ догмы, обязательной для всѣхъ порядочныхъ людей, предопредѣлялъ программу дѣятельности и становился предметомъ пропаганды, имѣвшей цѣлью уже не «спасеніе» личности, а благо народа, отечества и чело-

1) Выраженіе Н. К. Михайловскаго.

вѣчества. Это явленіе, именно превращеніе личнаго моральнаго вопроса въ вопросъ всеобщій, болѣе или менѣе замаскированное въ большинствѣ нашихъ идеологій, обнаружилось въ проповѣди Толстого съ особливою наглядностью.

Религія и мораль Толстого на вопросъ: «какъ жить свято?» отвѣчала: нужно жить по завѣтамъ Евангелія, любить ближняго, какъ самого себя, помогать ему въ нуждѣ (но не деньгами, а трудомъ), не воздавать зломъ за зло, прощать обиды, не сопротивляться злу насиліемъ, жить трудомъ рукъ своихъ, не ѣсть мяса, не пить вина, не курить и т. д.—Казалось бы, во всемъ этомъ нѣтъ ничего политическаго... Но вышло такъ, что эта безобидная альтруистическая и аскетическая мораль сейчасъ же превратилась въ общественную и политическую идею, которая, въ безвременье 80-хъ годовъ, сыграла роль своеобразнаго общественнаго протеста. Въ этомъ смыслѣ наибольшее значеніе получили присущіе проповѣди Толстого *народническіе элементы*, выразившіеся внѣшнимъ образомъ въ той *имитациіи* мужицкаго облика, костюма, обычая, примѣръ которой подаль самъ Л. Н. Толстой. И самое Евангеліе явилось въ русскомъ народномъ и народническомъ обличьи: примѣры, притчи, легенды, которыми Л. Н. Толстой пропагандировалъ свое ученіе, брались изъ русской крестьянской жизни и изъ народныхъ сказочныхъ мотивовъ. Возникла чисто-народническая «ассоціація идей»: ученіе Христа, Евангеліе, русскій мужикъ, крестьянскій трудъ и бытъ... И въ эту ассоціацію не замедлили войти и народныя понятія о землѣ, какъ Божьей, а не помѣщичьей, и другія исконныя, завѣщанныя патріархальной стариной, народныя воззрѣнія и моральныя идеи, съ какими, напр., выступаетъ во «Власти тьмы» старикъ *Акимъ*, представитель подлиннаго крестьянскаго міросозерцанія, будто бы столь близкаго къ духу Евангелія. Съ этой стороны ученіе Толстого оказывалось новою варіаціею стараго народни-

чества и естественно получало свое значеніе, аналогичное тому, какое въ разное время имѣли у насъ народническія направленія общественной мысли. Можно сказать даже что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ доктрина Толстого явилась крайнимъ выраженіемъ русскаго народничества, его послѣднимъ словомъ, предшествовавшимъ появленію у насъ идей марксизма. Будущій историкъ нашихъ идеологій не обойдетъ проповѣди Толстого, на которую онъ укажетъ, какъ на характерный эпизодъ въ развитіи русскаго народничества. Съ этой точки зрѣнія ученіе Толстого, рассчитанное на міровую роль, представляется явленіемъ слишкомъ русскимъ, — однимъ изъ преходящихъ моментовъ въ исторіи русской интеллигенціи...

Съ тѣмъ вмѣстѣ проповѣдь Толстого явилась у насъ своеобразною формою *оппозиціи и протеста*. Извѣстенъ рассказанный самимъ Толстымъ случай его столкновенія съ городовымъ: городской «тащилъ» или «не пуцалъ» мужичка, графъ остановилъ блюстителя порядка вопросомъ: «ты читалъ Евангеліе?»; городской совершенно резонно отвѣтилъ другимъ вопросомъ: «а ты читалъ уставъ полицейской службы?»

Выступая съ проповѣдью Евангелія, какъ оно имъ понято, Толстой *протестовалъ* и сталъ въ оппозицію существующему порядку вещей — и не только у насъ, но и во всемъ цивилизованномъ мірѣ, поскольку этотъ поря- докъ основанъ на «насиліи» и не согласуется съ духомъ Евангелія.

Этотъ протестъ Толстого не имѣлъ въ 80-хъ годахъ, какъ и потомъ, никакого *революціоннаго* значенія. Въ ученіе, проповѣдуемое Толстымъ и его послѣдователями, вошли нѣкоторыя «страшныя слова» въ родѣ отрицанія государства, суда, воинской повинности и т. д.; но «опасность», которую усматривали здѣсь реакціонеры, была обезврежена, во-первыхъ, прямымъ отрицаніемъ революціи, какъ «насилія», а во-вторыхъ, общею утопичностью доктрины. Представители революціоннаго социализма (какъ

спокойный П. Л. Лавровъ и др.) смотрѣли на движеніе, возбужденное Толстымъ, крайне враждебно, какъ на прискорбное знаменіе времени, отличавшагося общественнымъ индифферентизмомъ, упадкомъ боевого настроенія и реакціонными стремленіями. Съ другой стороны, какъ мы помнимъ, нѣкоторые «отцы» возлагали на проповѣдь Толстого надежду, что, быть можетъ, она отвлечетъ «дѣтей» отъ опаснаго пути революціонныхъ экспериментовъ на болѣе спокойную дорогу культурной дѣятельности, благотворительности и самоусовершенствованія.

Позже, когда пропаганда Толстого замѣтно расширилась и стала производить извѣстное впечатлѣніе во всемъ цивилизованномъ мірѣ, его идеи на почвѣ общаго оживленія, наступившаго у насъ въ половинѣ 90-хъ годовъ, сыграли свою роль, какъ одна изъ формъ зачинавшагося освободительнаго движенія. Къ этому времени относятся наиболѣе рѣзкія произведенія Толстого - моралиста и проповѣдника, въ томъ числѣ и такая сильная и смѣлая вещь, какъ «Воскресеніе».

IV.

Въ 80-хъ и 90-хъ годахъ литературная производительность Толстого была огромна: великій писатель издавалъ религіозныя и моральные трактаты, брошюры, помѣщалъ по отдѣльнымъ вопросамъ и случайнымъ поводамъ статьи въ русскихъ и иностранныхъ журналахъ и газетахъ и, кромѣ того, создалъ цѣлый рядъ высокохудожественныхъ произведеній, въ которыхъ его новыя идеи получили своеобразное выраженіе.

Народническіе элементы доктрины Толстого проявились съ наибольшею яркостью, если не считать легендъ, во «Власти тьмы», гдѣ сюжетъ взятъ изъ крестьянской жизни и гдѣ показано, какъ развращается мужикъ подъ пагубнымъ вліяніемъ городской цивилизаціи. Точка зрѣнія автора-моралиста совпадаетъ съ патріархальными по-

нѣтѣми Акима, который отнюдь не «толстовецъ» и вообще не сектантъ, а просто «справедливый» мужикъ, сохранившій въ чистотѣ исконныя народныя понятія.

Въ «Смерти Ивана Ильича» Толстой хотѣлъ показать весь «ужасъ» «самой обыкновенной» жизни человѣка, идеаломъ котораго было создать себѣ жизнь «пріятную», «приличную» и притомъ такую, чтобы ее одобряли «наивыше поставленныя лица». Это, дѣйствительно, обыкновенная жизнь порядочнаго человѣка, который грѣшенъ лишь тѣмъ, что не родился съ призваніемъ къ высшимъ духовнымъ интересамъ и не могъ возвыситься надъ уровнемъ понятій и нравовъ своей среды. Силою художественнаго изображенія Толстой заставилъ насъ почувствовать «ужасъ» такого существованія; но мы чувствуемъ этотъ «ужасъ» только, пока читаемъ рассказъ; по прочтеніи же мы перестаемъ видѣть его тамъ, гдѣ есть только *пошлость*, и даже склонны вступить за несчастнаго Ивана Ильича, исходя изъ мысли, что всякій смертный имѣетъ право быть въ извѣстной мѣрѣ пошлымъ... Желательно только, чтобы онъ этимъ правомъ не злоупотреблялъ... Съ другой стороны, однако, мы не отрицаемъ и права моралиста быть требовательнѣе насъ, смотрѣть на призваніе человѣка съ болѣе высокой точки зрѣнія и показывать намъ «ужасъ» нашей пошлой жизни. Стоя на высокой моральной точкѣ зрѣнія, взирая на земную юдоль съ высоты евангельскаго идеала, проповѣдникъ имѣетъ право стращать насъ разоблаченіями всей лжи и фальши нашей жизни и грознымъ призракомъ смерти. Но, думается, и онъ не долженъ этимъ правомъ злоупотреблять...

Въ «Смерти Ивана Ильича» злоупотребленія правомъ моралиста нѣтъ. Но за то оно, несомнѣнно, есть въ «Крейцеровой сонатѣ», что однако не мѣшаетъ этому рассказу оставаться однимъ изъ удивительнѣйшихъ созданий высокаго искусства.

Въ «Крейцеровой сонатѣ» трактуется вопросъ, кото-

рый, по моему глубокому убѣжденію, *не подлежитъ художественному разслѣдованію*: это именно пресловутая «половая проблемма», разработку которой слѣдуетъ предоставить ученымъ специалистамъ—врачамъ, психіатрамъ, психологамъ. Эта тема, по существу дѣла, не поддается ни популяризаціи, ни беллетристической обработкѣ: при наилучшихъ намѣреніяхъ автора она—въ такой формѣ—легко приводитъ къ результатамъ, діаметрально-противоположнымъ этимъ намѣреніямъ. Не избѣгла этого и «Крейцера соната».—Помимо того, Толстой злоупотребилъ здѣсь правомъ моралиста и въ другомъ отношеніи: если въ «Смерти Ивана Ильича» онъ отрицаетъ наше право на пошлую жизнь, то въ «Крейцеровой сонатѣ» онъ подвергъ отричанію наше естественное право—размножаться. «Крейцера соната»—произведеніе *ультра-аскетическое*. Аскетическій ригоризмъ, доведенный до крайнихъ предѣловъ, мѣшаетъ моралисту и художнику быть прежде всего *справедливымъ и гуманнымъ*. Въ «Крейцеровой сонатѣ» поражаетъ отсутствіе и гуманности, и безпристрастія.

По счастью, это увлеченіе аскетическимъ ригоризмомъ продолжалось не долго: въ «Воскресеніи» оно не видно, и это капитальное произведеніе, при всей исключительности точки зрѣнія, на которой стоитъ авторъ, по праву должно быть признано однимъ изъ самыхъ гуманныхъ созданій міровой художественной литературы. За вычетомъ нѣкоторыхъ излишествъ и неосторожнаго обращенія съ предметами, составляющими для традиціонно-вѣрующаго большинства святыню, мы не находимъ въ «Воскресеніи» злоупотребленій правомъ моралиста-проповѣдника.

Исповѣдуя высокій евангельскій идеаль «мира и благоволенія на землѣ», художникъ-моралистъ имѣетъ несомнѣнное право показать намъ на конкретныхъ, но типичныхъ примѣрахъ все противорѣчіе между этимъ идеаломъ съ одной стороны и существующимъ порядкомъ

вещей, господствующими нравами и понятіями съ другой. Онъ вправѣ также указать намъ тотъ путь, который, по его глубокому убѣжденію, является единственно спасительнымъ и ведетъ къ преобразованію всей жизни въ духѣ евангельскаго идеала, — путь къ «воскресенію». Этимъ путемъ пойдутъ лишь немногіе, но могучій призывъ великаго поэта не останется безъ того отклика, какой вообще вызываютъ въ душѣ человѣческой высокія созданія гуманнаго искусства, рассчитанныя на пробужденіе чувства состраданія, любви къ человѣчеству и глубокой скорби при сознаніи зла, господствующаго въ мірѣ.

Всѣ тенденціозныя художественныя произведенія Толстого, за исключеніемъ жестокой «Крейцеровой сонаты», вліяли и всегда будутъ вліять именно въ этомъ духѣ и направленіи. Ихъ воспитательное и облагораживающее воздѣйствіе не подлежитъ сомнѣнію. Они уже внесли свой вкладъ въ движеніе умовъ и моральное развитіе русскаго общества въ 80 — 90-хъ годахъ. Но потомъ освободительное движеніе и революціонная волна оттѣснили проповѣдь Толстого на задній планъ; идеи великаго писателя не согласовались со многимъ, что происходило у насъ въ эти бурные годы великаго перелома и историческаго поворота. Съ высоты своихъ идей онъ не понялъ или не хотѣлъ признать всей важности совершавшихся событій...

Его голосъ заглушался шумомъ движенія... Теперь онъ снова слышится и, какъ и всегда, призываетъ къ прощенію, миру и благоволенію. Среди одичанія и ужасовъ, которые мы переживаемъ, протестъ и призывъ великаго человѣка, будемъ надѣяться, не останется гласомъ вопіющаго въ пустынь...

Д. Овсяннико-Куликовскій.

